На правах рукописи

Микрюков Виктор Алексеевич

КАТЕГОРИЯ АНАЛОГИИ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре предпринимательского и корпоративного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научный консультант: **Ершова Инна Владимировна**
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Гонгало Бронислав Мичиславович**
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», заведующий кафедрой гражданского права

Шиткина Ирина Сергеевна
доктор юридических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», профессор кафедры предпринимательского права

Ильина Ольга Юрьевна
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет», декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права

Ведущая организация: **Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»**

Защита состоится 01 июля 2025 года в 12:00 на заседании диссертационного совета 24.2.336.01, созданного на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», по адресу: г. Москва, 123242, ул. Садовая-Кудринская, дом. 7, стр. 22, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» http://msal.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2025 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор юридических наук, доцент О.А. Тарасенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации раскрывается в различных аспектах. Сложившиеся теоретические представления об аналогии как одном из элементов частноправовой практики даже в случаях видимого единства научных взглядов не могут восприниматься как аксиоматические. Теория аналогии в праве, как и любая теория, развивается, шлифуется, уточняется в практике, открывая новые области ее использования, проявляя неизвестные грани реализации. Современная аналогическая частноправовая практика и формирующиеся тенденции ее развития все больше расходятся со сложившимся узким научным распознаванием аналогии в качестве одного из паллиативных средств правоприменения в условиях предполагаемого уменьшения степени пробельности права при наблюдаемом увеличении нормативного массива. Этот *доктринальный аспект* предопределяет востребованность проведенного исследования в дальнейших научных изысканиях.

Потребность в актуализации теоретических основ учения об аналогии через призму новелл частноправовой практики не исключает *фактор непреходящей актуальности феномена аналогии* как «естественного средства пытливого ума», признаваемого во все времена в качестве креативной основы новых знаний и решений, что не может не вызывать интерес к более активному извлечению преимуществ данного средства в правовом регулировании, научном осмыслении частного права и продвижению в решении связанных с ним известных теоретических проблем, включая доктринальную неопределенность правовой природы результата аналогического правоприменения, неоднозначность позиций о круге допустимых субъектов, источников и сфер использования правовой аналогии. В наступившую цифровую эпоху именно аналогическое правовое мышление способно соперничать с искусственным интеллектом в зонах правовой неопределенности, нарастание которой в межличностных отношениях неизбежно.

Актуальность работы *в правоприменительном и правореализационном аспекте* обусловлена тем, что в настоящее время произошло серьезное количественное накопление опыта использования аналогии закона и аналогии

права в различных сферах частноправового взаимодействия, что является сигналом о готовности отечественной правовой системы к качественным изменениям в разностороннем осмыслении данных феноменов. Поэтому важно собрать, проанализировать и обобщить эмпирический материал, формализовать выработанные в результате применения аналогии правовые позиции и предложить доктринально обоснованные пути их перевода на нормативный уровень.

Одновременно с этим расширение сферы применения аналогии подчеркивает актуальность диссертации *в нормотворческом аспекте* при восприятии аналогии как средства формулирования норм института аналогии и норм, основанных на аналогии. Аналогия способствует совершенствованию юридической техники, позволяет обеспечивать позитивный настрой критики законодательства, препятствует радикальным, конъюнктурным изменениям, размывающим проверенные временем правовые конструкции.

Важным фактором актуальности темы выступает проявление тенденции к усилению диспозитивности в частноправовом регулировании *семейных и корпоративных отношений*, что влечет нарастание правовой пробельности и требует комплексной научной оценки реально наблюдаемой интенсификации и модификации нормативного и правоприменительного использования аналогического инструментария в этих специфических правовых областях.

Именно широта происходящего использования аналогии диктует необходимость установления ее доктринально обоснованных пределов *в социально-экономическом и юридико-техническом аспектах*, в частности: применения по аналогии норм об ответственности, об ограничениях и обременениях субъективных частных прав, включения аналогии в арсенал средств достижения политико-правовой целесообразности и экономической справедливости, использования аналогии в регулировании вертикальных частноправовых экономических связей и частных отношений субъектов, находящихся в неравном правовом положении, охвата аналогией частноправового регулирования новейших экономических реалий в условиях развития цифровых технологий и экономики совместного потребления.

Направление диссертационного исследования актуализируется и тем, что *сфера юридического образования* испытывает явный недостаток учебного материала, который выходил бы за рамки азбучных сведений теории права об аналогии как способе преодоления законодательных пробелов и об отличиях аналогии закона от аналогии права и представлял бы аналогию в качестве одного из важнейших инструментов, формирующих и упорядочивающих мышление, детерминирующих схожие явления во всех видах юридической деятельности.

Объектом исследования являются частноправовые отношения, регулирование которых опосредовано аналогией как юридическим средством.

Предметом исследования выступают нормы частного права, акты правоприменительной и правореализационной практики, доктринальные источники, отражающие аналогию на разных уровнях системы регулирования частноправовых отношений в качестве:

- элемента механизма реагирования на правовые аномалии,
- приёма современной юридической правореализационной техники (аргументации, доказывания, установления фактов, поиска решений),
- актуального средства осуществления и защиты прав субъектов экономической деятельности,
- стадии толкования и применения права,
- стабилизирующего, системосохраняющего начала частного права,
- креативной основы развития законодательства,
- способа конструирования правовых норм и формы существования нормоподобных явлений.

Степень научной разработанности данной темы нельзя назвать высокой. Диссертации на соискание ученой степени доктора наук по проблемам аналогии в частном праве отсутствуют. В теории права и отраслевых юридических науках аналогия рассматривается преимущественно как логическое средство казуального преодоления правовых пробелов (в разновидностях санкционированных законом приемов аналогии закона и аналогии права) с акцентом на исследование вопросов дискретности права, проработку проблем выявления и правильного распознания

действительных правовых пробелов, установления легального объема дискреции правоприменителя, определение границ допустимости аналогии в тех или иных сферах (или стадиях) правоприменения.

Именно в таком аспекте исследования аналогии представлены в работах теоретиков права (В.Н. Карташов, 1976; В.В. Лазарев, 1969; Е.И. Спектор, 2003; Ф.Р. Уранский, 2005; В.В. Фидаров, 2009; Е.Д. Шиндяпина, 2007 и нек. др.), цивилистов (В.И. Акимов, 1970; Д.И. Романенко, 2019; Л.А. Фомина, 2009), процессуалистов (В.А. Божок, 2005; В.В. Тихомирова, 2012; Д.А. Туманов, 2007), исследователей трудового права (В.Б. Дресвянкин, 2001; Л.Е. Кузнецова, 2004) и представителей науки налогового права (Демин, 2015; М.В. Юзвак, 2014).

Более того, поиск был, по существу, сужен до установления правомерности единичных актов аналогического правоприменения или отдельных групп таких актов. Выделяющаяся попытка в рамках общей теории права выработать универсальные критерии определения пределов допустимости аналогии закона и аналогии права в современной правовой системе России свелась к поиску ответов лишь на три специальных вопроса: о круге субъектов использования аналогии, об отраслевых методах, указывающих на возможность или недопустимость аналогии в соответствующей отрасли, и о способности аналогии работать при возложении правовых санкций (Фидаров В.В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009).

Диссертационное исследование института аналогии в советском гражданском праве было предпринято в 1970 году В.И. Акимовым (Аналогия в советском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970), а после принятия действующего Гражданского кодекса Российской Федерации, пожалуй, единственной известной частноправовой работой монографического уровня, непосредственно относящейся к данному институту, является диссертация 2009 года Л.А. Фоминой (Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009), в то время как цивилистический анализ аналогии права, выполненный Д.И.

Романенко (Аналогия права (цивилистическое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019), фактически ограничен идентификацией аналогии права в качестве правового института. Данные диссертации способны помочь в осмыслении и решении некоторых современных проблем применения аналогии закона и аналогии права. Они актуализируют сообразно новым экономическим и правовым реалиям (советским и новым российским соответственно) базовые положения теории логического процесса применения права, изложенные Г.Ф. Шершеневичем (Общая теория права. Выпуск первый. М., 1910), и основы цивилистической теории аналогии, заложенные в фундаментальном труде Е.В. Васьковского (Цивилистическая методология. Ч.1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901).

Однако даже недавние работы не учитывают актуальные изменения позиции законодателя в отношении аналогии, включая пополнение института аналогии на нормативном уровне, не отражают появившиеся в последнее десятилетие новейшие подходы к поднормативному использованию механизмов аналогии закона и аналогии права и не включают в фокус исследования активизацию применения метода аналогии в нормотворческом процессе и бесконфликтной правореализационной практике.

Использование авторами преимущественно нормативно-догматического подхода к аналогии как к одному из частных средств в системе способов преодоления правовых пробелов не позволяет говорить о появлении научного источника, который комплексно представил бы достоинства аналогии не как абстрактной логико-правовой конструкции, а как живого, реально действующего института, не говоря уж о подходе к аналогии как многозначному частноправовому феномену.

Кроме того, вопросы аналогии в правовом регулировании частноправовых отношений, складывающихся в семейной сфере и связанных с корпоративной спецификой, вообще остались без специального научного внимания.

Цель работы состоит в том, чтобы сформировать многоуровневое и многокомпонентное новое научное знание о содержании категории аналогии в

различных сегментах и отраслях системы регулирования частноправовых отношений с опорой на доктринальную оценку ее возрастающей социально-позитивной роли и востребованности как в практике реализации и применения права, так и в нормотворчестве. Достижение цели предопределяет необходимость решения ряда задач:

- познать сущность, значение и определить место аналогии во всех элементах системы регулирования частноправовых отношений;
- выявить скрытые, не известные или не характерные для аналогических правовых средств свойства, представить функции аналогии в правотворческой деятельности и частноправовой практике;
- заложить доктринальные основы и уточнить практические нюансы регулирования частноправовых отношений посредством относительно определенных норм-аналогий;
- раскрыть особенности обеспечения законности в практике аналогического регулирования частноправовых отношений;
- обосновать пределы аналогии в охранительном регулировании частноправовых отношений, а также в практике ограничения и обременения субъективных частных прав;
- предложить новые подходы к определению источников аналогического правоприменения в сфере частного права;
- установить специфику применения аналогии в практике нотариальной защиты прав и законных интересов участников частноправовых отношений;
- доказать теоретическую обоснованность и практическую оправданность использования аналогии в нормативном и индивидуальном регулировании всех выделяемых законодателем групп частноправовых семейных связей;
- выработать конкретные варианты аналогического преодоления пробелов в корпоративно-правовой сфере.

Теоретическую основу продвижения в указанном направлении помимо работ отмеченных авторов составили труды отечественных и зарубежных ученых, в фокусе внимания которых оказались вопросы общей теории права и правовых

пробелов (С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, В.В. Ершов, А.В. Завадский, В.И. Леушин, П.Е. Недбайло, Н.А. Петровский, А.С. Пиголкин, В.П. Реутов, В.В. Тихонравов, А.В. Цихоцкий, Л.С. Явич), проблемы поднормативного регулирования (В.В. Груздев, Ю.В. Медная, И.А. Минникес, А.А. Туменова, А.Ф. Черданцев), отдельные материальные и процессуальные нюансы применения в порядке аналогии гражданского законодательства (В.И. Акимов, А.Н. Балашов, В.А. Белов, Р.С. Бевзенко, В.А. Божок, А.Т. Боннер, В.А. Вайпан, Б.М. Гонгало, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетов, О.А. Кузнецова, С.В. Поленина, И.В. Рехтина, В.В. Ровный, В.Л. Слесарев, А.Б. Степин, Т.А. Трубицына, В.Ф. Яковлев), а также в объеме, обусловленном целью диссертации – труды исследователей семейного права (Ю.Ф. Беспалов, Н.Ф. Звенигородская, О.Ю. Ильина, О.Ю. Косова, П.В. Крашенинников, Д.С. Ксенофонтова, А.Н. Левушкин, С.А. Муратова, А.М. Нечаева, О.Н. Низамиева, Л.М. Пчелинцева, Н.Н. Тарусина, Т.В. Шершень, E. Aloni, B. Bix, C. Huntington, M. Fineman, S. Willis) и корпоративного права (В.В. Долинская, О.В. Гутников, В.А. Лаптев, Ю.Г. Лескова, Д.В. Ломакин, О.А. Макарова, Ю.С. Поваров, Д.И. Степанов, Е.А. Суханов, И.С. Шиткина, R. Art, J. Andersson, G. Damele, S. Leacock, S. Miller, D. Moll).

Необходимость многоаспектного изучения частноправового аналогического инструментария обусловила потребность в обращении к работам зарубежных специалистов, посвятивших исследования аналогии как средству юридического рассуждения и аргументации (G. Damele, D. Hunter, A. Jakab, A. Juthe, J. Kahn, M. Koszowski, K. Langenbucher, G. Lamond, F. Macagno, F. Schauer, B. Spellman, F. Shecaira, A. Watson, L. Weinreb), логической основе правовых метафор (L. Berger, J. Cornelissen, R. Holt, I. Richard), фактору правовой определенности и неопределенности (H. Asgeirsson, J. Braithwaite, A. D'Amato, K. Davis, M. Lang, M. Krajewski, O. Raban).

Эмпирическую базу исследования составили наиболее показательные правоприменительные, главным образом – судебные акты, включая акты Конституционного Суда Российской Федерации (30), постановления и определения Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного

Суда Российской Федерации (124), постановления арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций (303), акты судов общей юрисдикции (105), в которых так или иначе была задействована аналогия как интерпретационное, аргументационное и антипробельное правовое средство.

Методологию и методы диссертационного исследования составили общенаучные (индукция, дедукция и традукция, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация, систематизация и структурирование) и частнонаучные (нормативно-догматический, сравнительно-правовой, технико-юридический) методы. Ведущим научным инструментом и одновременно объектом исследования выступил метод аналогии. Именно с опорой на аналогию (традукцию) сформулированы новые частноправовые понятия, теоретически обоснованы направления совершенствования конкретных норм и структуры частного права.

Научная новизна диссертации заключается в том, что представлено новое, широкое доктринальное восприятие аналогии как сквозной правовой категории, пронизывающей все уровни системы регулирования частноправовых отношений, учитывающее оригинальный авторский взгляд на возрастающую степень востребованности и новые аспекты практического использования аналогии как полифункционального юридического антипробельного средства в нормотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности. Новизна работы проявляется и в том, что впервые комплексную научную оценку аналогический правовой инструментарий получил применительно к сферам семейного и корпоративного частноправового регулирования, где с помощью аналогии выработаны новые варианты эффективного казуального преодоления и окончательного законодательного разрешения наиболее значимых проблем, связанных с нормативной пробельностью.

В диссертации сформулированы положения, выносимые на защиту.

1. Обосновано, что аналогия в частном праве представляет собой категорию, в разных аспектах обозначающую востребованное *во всех основных элементах системы регулирования частноправовых отношений юридическое средство* (совокупность норм и инструментов), которое имеет в качестве логической основы

традуктивное умозаключение и нацелено на преодоление недостатка регуляторной определенности и дефицита правового материала (норм и (или) индивидуальных регуляторов и (или) знаний о них).

Объединение в одной категории указанных разнохарактерных сущностей соответствует интегративному пониманию правовых средств и общей логической сущности аналогии, проявляющейся вне зависимости от того, на каком уровне системы правового регулирования она задействуется. Это позволяет выстраивать единые требования к повышению эффективности (достоверности, адекватности, законности) многоаспектного применения частноправовой аналогии: *широта* (достаточное число признаков сходства правоотношений); *глубина* (необходимая существенность признаков сходства правоотношений); *системность* (должная зависимость переносимого признака (правила) от общих признаков правоотношений); *целесообразность* (соответствие переносимого признака (правила) целям правового регулирования).

2. Доказано, что *на нормативном уровне системы регулирования частноправовых отношений* категория аналогии предстает как:

- сложный межотраслевой (относящийся как к различным материальным отраслям частного права, так и к процессу) функциональный институт, который состоит из: а) совокупности *общих специализированных* норм, определяющих условия и порядок применения аналогии закона и аналогии права в случаях, когда входящее в сферу правового регулирования частноправовое отношение оказывается не урегулированным существующими нормами права или соглашением сторон (общих оперативно-распространительных аналогий), и б) группы *особых специализированных* норм, предписывающих применение по аналогии конкретных правил в нормативно определенных случаях (специальных законных аналогий или аналогий в силу закона), отличающихся от предписанных аналогий, отсылочных норм и указаний о соответственном правоприменении;
- способ конструирования относительно определенных правовых норм-аналогий;
- средство выработки нормотворческих решений и формирования

нормативного массива.

3. Установлено использование аналогии как способа конструирования особой разновидности относительно определенных *норм-аналогий*, в которых отдельные элементы правила формулируются в виде незамкнутого множества с указанием на какой-либо признак одного из элементов данного множества (эталонного элемента) и требованием об аналогичности иных его элементов. Такие нормы невозможно причислить ни к альтернативным, ни к факультативным, ни к ситуационным (дискреционным).

Выявлено включение элементов-аналогий не только в гипотезу, но и в другие части структуры данного вида норм (диспозицию и санкцию), в результате чего утверждается существование не только фактической аналогии (аналогии фактов), но и предметной, субъектной, деятельностной и прочих подобных нормативных аналогий. При этом доказано, что относительно определенные элементы-аналогии содержатся в нормах разной направленности (управомочивающих, обязывающих, запрещающих), посвященных как нормальным (неконфликтным) отношениям, так и ответственности, приводящих к разрушению нежелательных (неправомерных) связей, ограничивающих субъективные частные права.

4. Установлено, что *на индивидуальном (поднормативном) уровне системы регулирования частноправовых отношений* в содержание категории аналогии входят:

- координационное правореализационное установление, изменение или прекращение субъективных прав и обязанностей путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий (метод автономного аналогического регулирования) и посредством соглашения (способ договорного аналогического регулирования),
- субординационное правоприменительное определение прав и обязанностей участников частноправовых отношений в условиях нормативного пробела (прием применения правовых норм в порядке аналогии).

Дополнительно аргументировано, что в основе *аналогии права* (как и аналогии закона) лежит реальная аналогическая сущность, что позволило упрочить

вывод о нормативном единстве института аналогии в составе аналогии закона и аналогии права. При этом выявлено, что под невозможностью использования аналогии закона как условия применения аналогии права необходимо понимать не только отсутствие отношений, сходных со спорными, и норм, их регулирующих, но и случаи, когда при наличии таких сходных отношений и подходящих к ним норм использование аналогии закона приводит к несправедливому и (или) неразумному и (или) негуманному решению.

5. Обосновано представление устоявшейся, широко воспроизводимой и (или) зафиксированной актами высших судебных инстанций юридической (в том числе судебной) *аналогической практики* в качестве имеющей особую (самостоятельную) сущность, не укладывающейся в ряд официально признанных элементов объективного бытия права (ни в число нормативных, ни в разряд индивидуальных регуляторов), а находящейся и обретающей свойство нормативности исключительно в субъективной сфере правосознания.

По аналогии с используемыми философией идеальными конструктами (аксиоматическими понятиями, устанавливаемыми по правилам логики и не предполагающими обязательного указания на конкретный денотат, обозначающими нечто недоступное непосредственному наблюдению, но выведенное логически на основе наблюдаемых признаков) указанную сущность предложено обозначить новым понятием – *правовой конструкт*, являющий собой *идеальный аналог реальной нормы* – формируемый в правосознании человека (группы людей, общества в целом) посредством аналогии правовой эталон, с помощью которого осуществляется восприятие и юридическая оценка входящих в сферу правового регулирования частных отношений, оказавшихся без должного нормативного либо индивидуального регулятора. В таком представлении аналогия выступает формой существования правового конструкта, поскольку он образуется в результате использования аналогии как творческой основы казуального правореализационного решения и как интеллектуального инструмента распространения выработанного аналогического решения на схожие случаи.

6. Аргументировано, что признаками, логически выражающими сущность

правового конструкта, выступают:

- сформированность при реализации или применении права в порядке аналогии в условиях отсутствия адекватного нормативного и индивидуального регулятора;
- пригодность для неоднократного использования при схожих фактических обстоятельствах (общий характер);
- устойчивость (повторяемость, накопленность либо предварительная зафиксированность судебным актом);
- прикрепленность к имеющемуся объективному регулятору, используемому в порядке аналогии.

Предварительная (не связанная с конкретным практическим затруднением при обнаружении правового пробела) фиксация актами высших судов правового конструкта, возникшего на уровне профессионального группового правосознания судейского и (или) научного сообщества (*предписанная аналогия*), равно как и последующее отражение в таких актах правового конструкта, образованного вследствие накопления массового правореализационного и правоприменительного опыта казуального преодоления правовой неопределенности (*интуитивная аналогия*), не превращает конструкт в норму права, а формализующие его акты не становятся источниками правовых норм.

7. С опорой на аналогию соотношения знания и незнания в процессе познавательной деятельности (принципа познавательной скромности) и корреляции правовой определенности с нарастанием объема нормативного материала обосновано, что при количественном разрастании, качественном улучшении нормативно-правового массива и развитии практики роль аналогии как инструмента преодоления правовой неопределенности *в индивидуальном сегменте системы регламентации частноправовых отношений будет не снижаться, а неуклонно возрастать*. Аргументирована неизбежность появления большего числа аналогических правовых конструктов и активизации их использования.

Данное положение распространено на оценку значимости аналогии *в нормативной сфере частного права*, где усложнение частноправового

взаимодействия повышает количество точек соприкосновения существующих норм (права) с неизвестными социальными связями (правовой пустотой) и требует более частого обращения к аналогии как креативной основе выработки нормотворческих решений, использованию сравнительно-правовых аналогий и более интенсивному включению в нормативно-правовой массив относительно определенных норм-аналогий.

8. Представлена дополнительная аргументация *полифункциональности* использования аналогии в системе частноправового регулирования. Помимо регуляторной (правовосполнительной), интерпретационной, аргументационной проиллюстрированы функции правовой аналогии, которая:

- опосредует реализацию и усиление дозволительных начал частноправового воздействия;
- содействует осуществлению и защите прав субъектов частноправовой деятельности;
- способствует развитию законодательства, выступает стабилизирующим, системосохраняющим началом частного права;
- обеспечивает прямое действие основных начал отраслей частного права;
- устанавливает социальную гармонию, баланс разных, но равнозначимых частных интересов.

9. Обоснована рекомендация в целях обеспечения соразмерности имущественных санкций не прибегать к аналогии и ситуационному блокированию формально правомерного, но нежелательного поведения, а использовать специально предназначенные для этого законодательные инструменты, при отсутствии которых либо их неприменимости к спорным отношениям опираться на общеправовой универсальный корректор уровня добросовестности. Это позволит воспрепятствовать необоснованному превращению ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации из сугубо частного средства в универсальный регулятор, функционирующий посредством аналогии за рамками неустоечных отношений и ограничивающий частные субъективные права потерпевших на применение санкций и адресатов компенсационных выплат, что искажает сущность и

принципы построения санкций различного вида, нивелирует их специфику и назначение.

10. Предложено определять как *нормативные пробелы особого рода – правовые аномалии* – ситуации *отсутствия истинных норм* частного права, требующие аналогического правоприменения *contra legem*.

Выявлено, что при «исправительном» применении судами аналогии вопреки текущей воле законодателя существенно модифицируются (вплоть до устранения ключевых характеристик) устоявшиеся частноправовые конструкции, устанавливаются новые виды гражданско-правовой ответственности, вводятся дополнительные основания недействительности как причины разрушения гражданско-правовых связей.

Аналогическое преодоление правовых аномалий может быть оправдано, только если речь идет об *антиципации* судом законодательного изменения *неистинных* норм (своего рода конклюдентной правотворческой инициативе) и осуществление необходимой меры судебного активизма *нелатентно* обосновывается применением *аналогии права*.

11. Дополнительно обоснованы частноправовые конструкты недопустимости применения по аналогии норм, устанавливающих изъятия из общих правил, определяющих правовой режим обременений, что требует прямого законодательного запрета на применение аналогии, если этим ограничиваются права и свободы физических и юридических лиц либо для них предусматриваются новые обязательства, обременения или ответственность.

Обосновано, что при отсутствии действительного правового пробела в целях введения предполагаемых (желаемых), но не принятых законодательных велений, сдерживающих поведение, не одобряемое с экономической, социальной или политической точки зрения (в том числе ограничивающих свободу договора), следует не прибегать к нецелевому использованию аналогии, а пользоваться механизмом противодействия злоупотреблению правом (как это, в частности, осуществляется при контроле размера платы за правомерный отказ от исполнения обязательства). В подобных ситуациях аналогия может использоваться лишь в

качестве дополнительного объяснения правоприменительного акта, но не как элемент его нормативной основы.

12. Доказана формальная законность и теоретическая обоснованность применения по аналогии правовых норм, содержащихся не только в федеральных законах, но и *в подзаконных нормативных актах.* Более того, показано принципиально допустимым и полезным использование в необходимых случаях *по аналогии* формализованных в актах высших судов *правовых конструктов*. Такого рода правоприменение представляет собой не аналогию закона (правовые конструкты и судебные акты, в которых они зафиксированы, не являются нормами права), а *аналогию права*. В этих случаях происходит адаптация правового конструкта к пробельному частноправовому отношению в конкретном ситуационном преломлении основных начал и смысла законодательства.

13. Авторское положение о происходящем и предстоящем возрастании роли аналогии в системе частноправового регулирования верифицировано применительно к семейно-правовой практике. Подтверждены качества аналогии как эффективного средства преодоления пробелов, инструмента уяснения и толкования правовых норм, установления фактов, аргументации позиции в споре, мотивировки и обоснования судебных актов при разрешении семейно-правовых споров, возникающих *во всех* выделяемых законодателем (соответствующих разделам Семейного кодекса Российской Федерации) сферах юридически значимого семейного взаимодействия.

Установлено, что метод аналогии в применении семейного законодательства наиболее востребован в случаях, когда спорное отношение непосредственно связано с принадлежностью и (или) оборотом материальных благ, т.е. является по содержанию имущественным, либо когда конфликт имеет экономические причины и (или) основан на материальных устремлениях его участников.

14. Доказано, что как в гражданско-правовой практике, так и при разрешении семейно-правовых споров использование аналогии выявляет скрытые, ранее не известные или не характерные свойства: осуществляется аналогия семейно-правового режима («оптовая» аналогия); аналогически реализуются нормы

подзаконных актов и семейно-правовые конструкты; применяются в порядке аналогии нормы, разрушающие семейно-правовые связи, правила, устанавливающие ответственность и допускающие ограничения субъективных семейных прав; в силу специфики предмета семейного права, требующего ситуационного учета индивидуальных характеристик семейно-правовых отношений, активнее, чем в других сферах частного права, задействуется аналогия права.

15. Аргументировано, что в современных условиях сформировались *факторы особой востребованности аналогии* на нормативном и поднормативном уровнях системы регулирования частноправовых корпоративных отношений:

- законодательное включение корпоративных отношений в предмет гражданского права исключило формальные сомнения в допустимости аналогии закона и аналогии права для казуального преодоления корпоративно-правовых пробелов;
- усиление диспозитивности корпоративно-правового регулирования предопределило интенсивное обращение к аналогии в правореализационной деятельности субъектов корпоративного права (при поиске индивидуальных вариантов моделей правового поведения) и одновременно с этим обусловило возрастание числа пробельных (в том числе аномальных) корпоративных связей;
- необходимость объемного корпоративно-правового нормотворчества при отсутствии у отечественного законодателя должного опыта и традиций в этой сфере сделало неизбежным активное использование сравнительно-правовых аналогий;
- скачкообразное и широкое разрастание корпоративного законодательства побуждает правоприменителя искать в аналогии основу для разрешения споров в условиях правовой пустоты, соприкосновения с которой становятся тем чаще, чем большее количество новых отношений попадает в сферу корпоративно-правового регулирования, а от законодателя требует последовательно прибегать к аналогии как к методу структурирования и сбережения объема нормативного массива во избежание нарастания правовых плеоназмов.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что обоснованные диссертантом теоретические положения актуализировали и расширили комплексное научное представление о категории аналогии в системе регулирования частноправовых отношений, включая семейные и корпоративные. Это позволило обогатить потенциал цивилистической доктрины, ввести в научный оборот новые правовые понятия, показать проявления аналогии в правовой квалификации новейших социальных связей.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в рекомендациях по использованию аналогических правовых инструментов различными субъектами на всех уровнях системы регулирования частноправовых общественных отношений. Разработан ряд учебно-методических положений, используемых в учебном процессе (авторский параграф «Применение гражданского законодательства по аналогии» в кн. Гражданское право: учебник: в 2 Т. М: Проспект, 2020).

На основе достигнутых теоретических результатов сформулированы способствующие повышению эффективности частноправового воздействия конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства, в том числе путем изменения и (или) дополнения формулировок статей 6, 65.3, 66.2, 67.1, 67.7, 181.5, 90, 99, 393.1, 421, 424, 524, 582, 607, 608, 734, 753, 812 Гражданского кодекса Российской Федерации, статей 50, 61, 115, 141, 161 Семейного кодекса Российской Федерации (текст 26 соответствующих предложений представлен в заключении работы).

Степень достоверности результатов работы обусловлена применением соответствующего ее целям и задачам научно-методологического инструментария, обеспечена широтой и репрезентативностью источниковедческой базы исследования. Авторские выводы подкреплены анализом 1148 научных работ, из которых 194 на иностранных языках.

Апробация результатов исследования осуществлена путем опубликования монографии (1), научных статей в изданиях, индексируемых в Scopus/WoS (16) и рекомендованных ВАК (55).

Положения работы использованы при подготовке докладов и представлены на научно-практических конференциях, включая: III Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2012), VI Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2015), 4-ая Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, 2015), VII Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2016), VIII Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2017), IX Московский юридический форум (Москва, 2022), Международная научно-практическая конференция «Частноправовой подход в цивилизационных процессах» памяти д.ю.н., проф. Ю.Ф. Беспалова (Москва, 2022), XII Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 2022), X Московский юридический форум «Устойчивое развитие России: правовое измерение» (Москва, 2023), V Международная научно-практическая конференция «Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях» («Лаптевские чтения») (Москва, 2023), II Всероссийская научно-практическая конференция «Правовое обеспечение национальной безопасности памяти А.А. Прохожева» (Москва, 2023), II ежегодная Международная научно-практическая конференция НИУ ВШЭ «Право и бизнес в реалиях современности: национальное, региональное и международное измерение» (Москва, 2023), Международная научно-практическая конференция НИУ ВШЭ «Эволюция семейного и наследственного права» (Москва, 2023), Научно-практическая конференция «Право и реальный сектор экономики» (Москва, 2024), XI Московский юридический форум «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы» (Москва, 2024), Всероссийская конференция «Корпоративное законодательство: современные вызовы и тенденции» (Москва, 2024).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, ставятся цели исследования, определяется научная новизна работы и кратко формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава первая «Общие научно-теоретические представления об аналогии в системе регулирования частноправовых отношений» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе выявляется сущность и определяется место аналогии в системе регулирования частноправовых отношений.

Обосновываются преимущества отказа от наблюдаемого искусственного сужения сферы использования категории аналогии лишь как обозначения юридико-технического приема преодоления пробелов в позитивном праве при судебном применении правовых норм (аналогия закона и аналогия права).

Автор исследует аналогию как наиболее общее правовое понятие, обозначающее универсальное аналогическое средство, предназначенное для преодоления недостаточности (полного или частичного отсутствия) правового материала (норм, индивидуальных регуляторов и (или) знаний о них), что предопределяет его максимально широкое (интегративное) понимание в качестве функционально обособленной совокупности норм, инструментов, принципов, методов, способов (правил поведения и правовых действий).

Воспринимая систему правового регулирования как сочетание нормативного и индивидуального (поднормативного) элементов, раскладывающихся на ряд подуровней (или стадий), диссертант находит место категории аналогии в каждом из указанных участков системы, где ее значение дифференцируется, не утрачивая, однако, единую логическую основу (умозаключение по аналогии).

В нормативном сегменте системы правового регулирования частноправовых отношений отмечено существование особых специализированных правовых норм, указывающих на необходимость применения по аналогии конкретных правил в нормативно определенных случаях (*аналогии в силу закона или законные аналогии*). Такого рода специальные аналогии необходимы, когда законодатель

самостоятельно выявил существование пробела в частноправовом регулировании, увидел вариант нормативного решения, однако посчитал воплощение такого решения в нормативном акте с учетом текущих реалий либо нецелесообразным, либо подрывающим стройность соответствующих юридических конструкций. Предложено определить данные нормы как *особую разновидность оперативно-распространительных норм*, не сводимых к распознанным в доктрине распространительно-территориальным, распространительно-субъектным и распространительно-темпоральным нормам. При этом диссертант проводит отграничение аналогического правового регулирования от *отсылочного, соответственного и субсидиарного*. При квалификации *межотраслевой аналогии* диссертант считает необходимым воздерживаться от ее обозначения понятием «субсидиарное правоприменение», не отражающим логическую основу аналогии.

Анализируя аналогию как средство выработки правотворческих решений и формирования нормативного массива, автор обращает внимание на правовое преломление логических форм *экзистенциальной, объяснительной и обобщающей* аналогии.

Автор подвергает критике представленное в доктрине механическое противопоставление двух видов юридически значимой аналогии (правовой аналогии и аналогии фактов) и концентрируется на необходимости целостной доктринальной проработки особенностей применения аналогии как *способа конструирования относительно определенных правовых норм-аналогий* – норм с открытыми структурами, где отдельные элементы правила формулируются в виде незамкнутого множества с указанием на какой-либо признак одного из элементов данного множества и требованием об установлении аналогичности иных его элементов.

Исследуя проявления аналогии *на индивидуальном (поднормативном) уровне системы регулирования частноправовых отношений*, автор обосновывает значимость *договорных аналогических инструментов* в бесконфликтной правореализационной практике. Особое внимание уделено специфике *автономного аналогического регулирования* частноправовых связей, в том числе

при распространении нормы об односторонней фиксации результатов выполнения работ по договору строительного подряда за пределы данной договорной конструкции.

При рассмотрении традиционного разделения *субординационных правоприменительных средств* преодоления правовых лакун на аналогию закона и аналогию права автор обращается к проблеме квалификации существа аналогии права и вопреки представленным в доктрине взглядам доказывает, что она является полноценной разновидностью аналогического правоприменения.

Второй параграф посвящен определению функций аналогии в правотворческой деятельности и частноправовой практике.

Автор показывает, что функционал таковой не ограничивается регуляторным (правовосполнительным), интерпретационным и аргументационным эффектом.

Подтверждено, что аналогия в частном праве служит средством *углубления частноправовой свободы*, позволяя субъектам приобретать и такие права, которые в законе не предусмотрены.

Диссертант обосновывает функциональную способность аналогии повышать степень вариативности экономической активности и содействовать вовлечению в имущественный оборот большего числа материальных благ.

Рассматривая примеры того, как полученные в результате применения аналогии закона наработки становятся креативной основой восполняющего пробелы и устраняющего противоречия правотворчества, почвой для редефиниции существующих понятий и появлению частноправовых новообразований, автор подсвечивает *креативную функцию* аналогии, раскрывает обстоятельства, при которых она наиболее эффективна.

В третьем параграфе диссертант обращается к проработке доктринальных основ и практических нюансов регулирования частноправовых отношений посредством относительно определенных норм-аналогий.

Несмотря на естественное стремление частноправового регулирования экономических отношений к абсолютной определенности, аргументирована оправданность использования аналогии как средства формулирования норм с

открытыми структурами (норм-аналогий).

Диссертант отводит указанным нормам самостоятельное место в группе разновидностей не полностью определенных норм наряду с альтернативными, факультативными и ситуационными.

Установлено включение характерных для норм-аналогий формулировок со словом «аналогичный» во многие нормативные акты вне зависимости от уровня юридической силы, функциональной направленности и предметного охвата. С учетом такого разнообразия исследование проводится на примере логически широких частноправовых норм-аналогий, содержащихся в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) (статьи 106.5, 152, 393.1, 424, 502, 524, 575, 582, 734, 1007, 1037, 1474).

Поскольку применение норм-аналогий неизбежно сопровождается возрастанием объема судебного усмотрения, предложено особенно внимательно относиться к терминологической точности и смысловой корректности формулировок таких норм, а также отрабатывать критерии сходства, подлежащего установлению при их применении, как на судебном, так и на законодательном уровне.

В четвертом параграфе раскрываются особенности обеспечения законности в практике аналогического регулирования частноправовых отношений.

При оценке общего восприятия аналогии как реально функционирующего законного правового института подвергнуто критике преобладающее в науке и в сфере юридического обучения представление об аналогии закона и аналогии права как о худшем, запасном регуляторе; принципе, «хромающем на обе ноги»; исключительном паллиативном искусственном средстве, используемым в крайнем случае, редко, осторожно и спорадически; опасном, чреватом ошибками и злоупотреблениями, разрушительным инструменте. Напротив, доказана тенденция к возрастанию роли аналогии как универсального инструмента восполнения дефицита правового материала не только в индивидуально-правовом сегменте системы регламентации частноправовых отношений, но и в нормативной сфере частного права.

Предложено отказаться от негативной оценки аналогий правового режима («оптовых» аналогий), которые не только выступают законным правовосполнительным средством, но и акцентированно выполняют функцию экономии объема нормативного материала. Продемонстрировано активное использование отечественным законодателем сравнительно-правовых аналогий как источника поиска новых законотворческих решений. При этом отдельные результаты основанных на таких аналогиях правовых «трансплантантах» поддержаны, а некоторые признаны неудачными.

Диссертант с учетом современных судебных подходов актуализирует алгоритм рассуждений, позволяющий удержаться в рамках законности при обосновании конкретного юридического решения посредством аналогии закона.

Автор отмечает, что непротиворечие существу отношений используемого по аналогии правила как условие законности аналогического правоприменения состоит, в том числе, в соответствии результата переноса нормы по аналогии целям регулирования, что высвечивает значимость преамбул и вводных статей нормативных актов в практике преодоления правовых пробелов.

В свете не закрытой до настоящего времени теоретической проблемы определения юридической природы решений собраний, уставов и внутренних документов юридических лиц, но с учетом их неоспоримой регуляторной способности, реализация которой исключает пробельность гражданско-правовых отношений, выдвинута идея о необходимости соответствующим образом уточнить в тексте ст. 6 ГК РФ условия применения норм гражданского права по аналогии.

Критикуя применение аналогии вопреки текущей воле законодателя и длительное существование аналогических правовых конструктов *contra legem,* когда с формальной точки зрения нельзя говорить о пробеле в позитивном частном праве и отсутствует главное условие законности использования аналогии как правоприменительного инструмента, диссертант формулирует условия его частного оправдания как способа преодоления пробелов особого рода – *правовых аномалий* – ситуаций *отсутствия истинных норм* частного права.

Диссертант в контексте соотношения правовой аналогии и законности

исследует сущность аналогической практики. Установлено, что широко используемый в науке искусственно созданный теоретиками права термин «правоположение», не имеющий собственного содержания и по-разному определяемый через иные неясные понятия (правовая позиция, прообраз или суррогат нормы права, судебное обыкновение, нетипичный источник права, прецедент толкования и др.) в действительности не позволяет безоговорочно уместить обозначаемую им сущность ни в нормативную сферу (ввиду отсутствия признаков официального властного признания гарантированной силой государства общеобязательности), ни в поднормативный (индивидуально-правовой) сегмент (по причине устойчивости, определенности и общего характера, выходящего за пределы индивидуальной ситуации). При этом понятие «правоположение» оставляет не охваченными результаты внесудебной бесконфликтной аналогической правореализационной практики.

Диссертант видит указанное правовое явление исключительно в субъективной сфере правосознания, формулируя при помощи аналогии новое правовое понятие для его обозначения – правовой конструкт.

В пятом параграфе автор на примере исследования приемов преодоления расхождения обозначений количественных величин договора, выраженных словами и цифрами, доказывает сквозной характер аналогии как средства реализации и применения правовых норм на поднормативном уровне системы регулирования частноправовых отношений.

Осуществлено научно-практическое подтверждение принципиальной важности решения интерпретационных проблем в аспекте неопределенности условий договора и показана активная положительная роль аналогии как элемента приемов толкования неоднозначных договорных условий.

Индуцируя рассуждения по материалу параграфа, автор подтверждает тезис о том, что аналогия как средство реализации и применения правовых норм не совпадает с аналогическими приемами юридического процесса (толкование по аналогии, аргументация по аналогии, доказывание по аналогии, обоснование по аналогии, объяснение с помощью метафор), но и не противостоит таковым, имея с

ними единую логическую основу.

Глава вторая «Современные проявления аналогии в практике применения законодательства, регулирующего частноправовые отношения» включает пять параграфов.

Первый параграф посвящен установлению пределов аналогии в регулировании частноправовых охранительных отношений.

Исследование современных особенностей использования аналогии как способа восполнения правовых пробелов, метода моделирования новых норм и средства формулирования относительно определенных норм-аналогий в рамках механизма возмещения конкретных и абстрактных убытков при прекращении договора позволила автору подтвердить универсальный характер рассматриваемого правового средства в охранительно-правовом регулировании экономической деятельности.

Выявлено некорректное использование законодателем механизма аналогии при генерализации поставочных правил ст. 524 ГК РФ и формулировании общей нормы о порядке определения размера убытков при расторжении всякого договора. Сделан вывод о целесообразности замены использованного в общем правиле понятия «сопоставимые товары, работы или услуги» на более адекватное (более общее, но при этом исключительно точное) понятие «аналогичный предмет исполнения» или «аналогичное исполнение».

Диссертантом установлено и подвергнуто критике расширение судебной практики по применению нормы ст. 333 ГК РФ по аналогии для корректировки размера схожих с неустойкой экономических обременений должника, обусловленных его неправомерным поведением, оказавшихся несоразмерными величине причиненных или грозящих кредитору отрицательных последствий. При этом аргументировано несогласие с формирующимся позитивным отношением юристов к институту аналогического судебного контроля за обоснованностью размера всяких имущественных санкций и выплат компенсационного характера участникам экономического оборота.

Обоснована необходимость осторожного отношения к предлагаемому в

науке нормативному закреплению в ГК РФ аналога англо-американской конструкции заранее оцененных убытков, которое создаст лишь видимое расширение числа инструментов защиты нарушенных прав, устойчивых к используемому российскими судами «праву редукции», но в действительности расширит почву для новых форм злоупотребления правом.

Во втором параграфе раскрываются проявления аналогии в практике ограничения и обременения субъективных частных прав.

При отсутствии в частноправовых правилах, дозволяющих аналогию закона и аналогию права, прямых указаний о неправомерности использования рассматриваемого антипробельного механизма с целью ограничения и обременения субъективных прав, диссертант выводит соответствующие положения из общих положений теории права, других норм действующего законодательства и утверждает о существовании частноправовых конструктов невозможности применения по аналогии исключительных норм, устанавливающих изъятия из общих правил, в том числе норм, определяющих правовой режим ответственности, ограничений и обременений. Содержащееся в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 разъяснение автор квалифицирует как формализацию указанных правовых конструктов, которые могут, должны и, скорее всего, будут применяться судами по аналогии не только при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, но и при рассмотрении частноправовых споров.

Вместе с тем, диссертант обнаруживает ряд отклонений от этих конструктов и критически оценивает случаи ограничения гражданских прав как в силу аналогии закона, так и посредством аналогии права, аргументирует отрицательное отношение к таким модусам аналогии, когда судами реализуется идея о принципиальной допустимости аналогического установления и прекращения обременений субъективных частных прав.

В целях достижения нормативной четкости в вопросе о пределах использования аналогии как субординационного правоприменительного приема

предложено дополнить ст. 6 ГК РФ нормой: «Применение норм гражданского права по аналогии не допускается, если этим ограничиваются права и свободы физических и юридических лиц, либо для них предусматриваются новые обязательства, обременения или ответственность». Аналогичные уточнения предлагается сделать в ст. 5 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) и в ст. 7 Жилищного кодекса Российской Федерации (ЖК РФ).

В третьем параграфе рассматриваются подходы к определению источников аналогического правоприменения в сфере частного права.

Автор устанавливает тенденцию к активизации аналогического применения судами подзаконных актов и показывает преимущества такого модуса аналогии закона.

Для окончательного решения проблемы применения по аналогии норм, содержащихся в подзаконных актах, региональных законах, принимаемых по вопросам совместного ведения, автор указывает на целесообразность исправить название и текст ст. 6 ГК РФ, расширить параметры обнаружения правовых пробелов и предусмотреть применение по аналогии не «гражданского законодательства», а норм гражданского права. Аналогичное исправление предлагается сделать в ст. 7 ЖК РФ, что в совокупности обеспечит терминологическое единообразие материально-правовых норм внутри института аналогии (ст. 6 ГК РФ, ст. 5 СК РФ, ст. 7 ЖК РФ) и в соотношении с их процессуальными «коллегами» (п. 3 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, п. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Приводится авторское представление о практике аналогического применения правовых конструктов, формализованных актами высших судов. Обоснован вывод о необходимости квалифицировать такого рода правоприменение как аналогию права.

Четвертый параграф посвящен анализу применения аналогии закона и аналогии права в практике нотариальной защиты прав и законных интересов участников частноправовых отношений.

Несмотря на то, что Основы законодательства Российской Федерации о нотариате умалчивают, как нотариусам следует поступать, если подлежащие нотариальному воздействию отношения не урегулированы в нормативных источниках, а Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации в числе принципов профессиональной деятельности нотариусов указывает ряд профессиональных и морально-этических постулатов, требующих от нотариусов действовать *stricto jure,* показано, что уход от использования аналогии закона и непосредственного применения основных начал гражданского законодательства с помощью аналогии права в нотариальной практике снижает эффективность правозащитной функции нотариата.

Автор на конкретных примерах нотариальной практики обосновывает вывод о принципиальной возможности, целесообразности и необходимости использования нотариусами метода аналогии и предлагает выработать общий алгоритм его применения с учетом особенностей сферы деятельности нотариата.

Диссертант указывает на формализованные высшими судами правовые аналогические конструкты, которыми нотариусам возможно и необходимо руководствоваться при осуществлении возложенных на них функций.

Уточнено, что применение нотариусами частноправовых норм по аналогии должно относиться к несостязательной (бесконфликтной) сфере.

В пятом параграфе автор оценивает активизацию применения аналогии права в практике разрешения частноправовых споров.

Диссертант констатирует недостаток научной проработки и учебно-методического освещения казусов использования аналогии права в практике применения гражданского законодательства, но не отсутствие или нехватку самих таких казусов.

Отобраны и подвергнуты анализу показательные, имеющие потенциал стать опорными для дальнейших исследований и формирования правильной судебной практики споры, разрешенные судами на основе аналогии права.

Показано, что правоприменение с помощью аналогии права, являясь непосредственно связанным с наделением судей существенной долей дискреции,

предстает эффективным способом обеспечения гибкости гражданского права и фактором его развития в адекватном направлении.

На примере решения обусловленного нормативным пробелом вопроса о судьбе улучшений объекта ссуды автор обосновывает, что под невозможностью использования аналогии закона как условия применения аналогии права необходимо считать не только отсутствие аналогичных отношений и регулирующих их норм, но и случаи, когда использование аналогии закона не позволит обеспечить следование основным началам частноправового регулирования.

Глава третья «Аналогия в правовом регулировании частноправовых отношений, складывающихся в семейной сфере» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе исследуется практика аналогического преодоления неопределенности основных категорий семейного права.

Автор обнаруживает, что отсутствие в семейном законодательстве определения центрального отраслевого понятия «семья» требует энергичного обращения к аналогии в поисках ориентиров для определения неполной семьи, установления круга юридически попадающих в состав семьи родственников (в том числе «близких родственников»), свойственников и иных членов семьи, также не имеющих четкой нормативной квалификации.

Показано особое значение достижения семейно-правовой однозначности в тех случаях, когда установление юридической связи гражданина с семьей предопределяет его статус в иных отраслях. Поддержан судебный подход, аналогически (в сопоставлении со ст. 31 и ст. 69 ЖК РФ) учитывающий совместное проживание, взаимную заботу и уважение, доверительность, ведение общего бюджета как признаков отношений, складывающихся между членами семьи. При этом подвергнут критике проявляющийся в некоторых судебных актах строго формальный, не допускающий аналогию закона подход к определению круга членов семьи и (или) близких родственников и свойственников в контексте налогообложения, что, в частности, приводит к абсурдному отрицанию близкой степени родства правнуков (правнучек) с прадедушками (прабабушками) и

свойства свекрови и невестки.

Изучение практики применения судами в порядке аналогии общих положений семейного законодательства продемонстрировало, что суды в целом адекватно воспринимают принцип добросовестности как имеющий общеправовое значение и функционирующий не только в гражданско-правовой сфере, но и при регулировании жилищных и семейных отношений, особенно когда спор возникает на стыке данных отраслей права. При этом, сталкиваясь с действительно уникальными жизненными ситуациями, суды избегают «скатывания» к формализму и с опорой на аналогию права принимают решения на основе указанного принципа, а также принципов гуманности, разумности и справедливости.

Во втором параграфе определяются пределы аналогии в правовой квалификации имущественных последствий фактических брачных отношений и проводится исследование практики применения семейного законодательства по аналогии при определении правового режима имущества супругов.

В условиях отсутствия пробела по вопросу о принципиальном непризнании семейным правом незарегистрированных браков применение по аналогии режима совместной собственности супругов квалифицируется автором как ненадлежащее.

Диссертант усматривает вероятные негативные последствия нормативного формирования семейно-правового института квазибрачного союза в том, что такая мера не поспособствует укреплению института семьи и создаст деструктивную нормативную конкуренцию в наследственных, жилищных, земельных и других отношениях. При этом не исключена перспектива основанного на аналогии закрепления для фактических брачных отношений некоторых законодательных презумпций личного неимущественного характера, отдельных социальных льгот.

Рассмотрен правовой пробел, связанный с отсутствием в семейном законодательстве правил о возможности признания фиктивным расторжения брака, влекущий проблему определения экономических последствий немаритального сожительства лиц, прекративших брак без намерения разрушить семью. Анализ релевантной судебной практики показывает, что суды в

большинстве случаев избегают юридической оценки аргументов о фиктивности развода по аналогии с фиктивностью брака. В контексте общеправового принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом, а также в русле нормы п. 2 ст. 7 СК РФ о предоставлении гарантий охраны семейных прав только при их осуществлении в соответствии с их назначением, автор призывает не исключать судебное аннулирование тех льгот, выгод и преимуществ, на которые нацеливались недобросовестные супруги при осуществлении фиктивного развода, а также игнорирование фиктивности прекращения брака при определении правового режима последствий, сопутствующих реальному разводу.

Поскольку семейное законодательство не содержит специальной нормы о последствиях исполнения одним из супругов общего обязательства за счет личного имущества в условиях распада семьи и фактического прекращения брачных отношений, обосновывается распространение на пробельные отношения по аналогии правила, содержащегося в п. 2 ст. 45 СК РФ.

Автор находит теоретические аргументы для применения по аналогии закона норм о завещательных распоряжениях к отдельным условиям брачного договора.

Диссертант усматривает риск необоснованного вторжения в дела семьи и внезаконного ограничения семейных прав при применении к отношениям по разделу супружеского имущества охраняющих интересы кредиторов правил о брачном договоре и предлагает использовать аналогию исключительно как начало для устраняющего пробел акта законодателя.

Аналогичные сомнения высказаны в отношении допустимости аналогии закона для преодоления неопределенности правового режима соглашений о разделе имущества, «обделенных» правилами о последствиях злоупотребления супругами договорной свободой.

В третьем параграфе диссертант анализирует пределы применения аналогии в практике определения прав и обязанностей родителей и детей.

Обнаружены действительные пробелы в правовом регулировании установления происхождения ребенка.

Рассмотрен непосредственно не урегулированный законом вопрос о порядке

установления факта признания отцовства, если реально признававший себя отцом конкретного ребенка гражданин признан безвестно отсутствующим и в текущее время место его нахождения неизвестно. Автор приводит аргументы в поддержку складывающейся практики применения в порядке аналогии ст. 50 СК РФ, урегулировавшей порядок установления факта признания отцовства лицом в случае его смерти.

Обнаруживая высокую степень пробельности существующего легального механизма установления материнства, автор показывает реалии и потенциал развития применения в соответствующих случаях по аналогии материальных и процессуальных законодательных норм об установлении отцовства.

С опорой на креативный потенциал аналогии права автор обосновывает потребность прямого законодательного изменения императивных правил о преимущественном праве на признание материнства за женщиной, родившей ребёнка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий с использованием биологического материала других лиц.

Проанализированы подходы к преодолению неурегулированности порядка реализации права взрослых детей на общение с проживающими от них отдельно престарелыми нетрудоспособными родителями, как и возможности родителя по устранению препятствий в общении с совершеннолетним недееспособным ребенком. Поставлена под сомнение аксиома существования указанных возможностей и утверждается необходимость использования аналогии права для признания таковых.

Диссертант доказывает, что урегулированные семейным законодательством отношения по установлению порядка общения с несовершеннолетним ребенком могут и должны быть модельным для схожих отношений, что предполагает правомерность аналогического применения норм ст. 55 и ст. 66 СК РФ.

По аналогии с тем, как законодатель провозглашает право граждан свободно и беспрепятственно осуществлять благотворительную деятельность, диссертант заявляет о целесообразности прямо гарантировать в СК РФ право каждого члена семьи на свободное и беспрепятственное осуществление семейной заботы.

В четвертом параграфе рассматривается проблематика аналогического применения семейного законодательства об алиментных обязательствах.

Автор проводит исторический анализ развития практики применения нормы об ответственности за просрочку уплаты алиментов, установленных судом, и показывает, как сформулированный с опорой на аналогию конструкт о праве суда корректировать чрезмерный, несправедливый и не адекватный материальному (или) семейному положению алиментообязанного размер законной неустойки, начисляемой по п. 2 ст. 115 СК РФ, прошел испытание научной критикой, выдержал попытку опровержения руководящим разъяснением Верховного Суда Российской Федерации и фактически явился креативной основой для формулирования новых норм семейного законодательства, а именно – снижения законного размера неустойки с одной второй до одной десятой процента от невыплаченной суммы алиментов за каждый день просрочки и прямого дозволения ситуационного уменьшения судом размера такой неустойки.

Применительно к случаям, когда алименты устанавливаются соглашением, в котором отсутствуют положения об ответственности за просрочку исполнения алиментной обязанности, диссертант приводит аргументы против использования в порядке аналогии закона п. 2 ст. 115 СК РФ и настаивает на непосредственном, а не аналогическом применении ст. 395 ГК РФ.

Автор констатирует, что суды допускают прямое применение ст. 119 СК РФ, квалифицируя исключение из актовой записи о рождении ребенка сведений об отце (плательщике алиментов) одним из тех обстоятельств, которые подлежат учету при изменении размера алиментов или при освобождении от их уплаты. Диссертант полагает, что применение этой нормы возможно лишь по аналогии и предлагает помыслить о применении в подобных случаях иной (более глубокой) аналогии с правилами п. 2 ст. 120 СК РФ о прекращении алиментного обязательства со смертью лица, получающего алименты, или лица, обязанного уплачивать алименты.

В пятом параграфе подвергнута анализу практика применения судами по аналогии законодательства о формах воспитания детей, оставшихся без попечения

родителей.

Поддержана аналогическая экстраполяция правила п. 9 ст. 10 ФЗ от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», согласно которому при отсутствии должного распределения обязанностей по обеспечению подопечного уходом, содействию в своевременном получении медицинской помощи, обучению и воспитанию опекуны или попечители несут солидарную ответственность за их неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Диссертант считает необходимым отказаться от неправомерного использования аналогии закона в механизме ограничения прав усыновителей и внести необходимые законодательные уточнения, дополнив ст. 141 СК РФ нормой о праве суда с учетом заслуживающих внимания обстоятельств принять решение об отобрании ребенка у усыновителей без отмены усыновления в порядке, предусмотренном ст. 73 СК РФ.

Автор, обращаясь к вопросу о так называемой репродуктивной тайне (тайне донорства, тайне суррогатного материнства), оказавшемуся вне поля зрения законодателя, находит в качестве источника аналогического восполнительного правоприменения режим, обеспечивающий тайну усыновления.

Глава четвертая «Аналогия в правовом регулировании частноправовых корпоративных отношений» включает в себя пять параграфов.

В первом параграфе проверены возможности метода аналогии в правовом обеспечении определенности статуса бенефициарных владельцев корпораций.

Автор вскрывает противоречивость судебной практики по вопросу о частноправовом статусе конечных бенефициаров юридического лица: в делах об оспаривании решений общих собраний участников и сделок таких юридических лиц суды без надлежащих ссылок на правовое основание склоняются к признанию за бенефициарами права на соответствующие иски, а в спорах по их требованиям о предоставлении информации о деятельности фактически контролируемых ими корпоративных субъектов отказывают по мотивам отсутствия оснований для применения аналогии закона, считая умолчание законодателя квалифицированным.

В связи с отсутствием специальных норм о наличии или отсутствии анализируемых защитных возможностей бенефициарных владельцев оценены перспективы аналогического внедрения публично-правового понятия «бенефициарный владелец» в структуру частноправового статуса юридических лиц. Не исключено развитие формального подхода, опирающегося на отсутствие прямой юридической связи бенефициара с контролируемой им организацией. Сделан вывод о необходимости до законодательного решения исследуемого вопроса выработать единый судебный подход к возможности аналогического применения публично-правовых правил о фигуре бенефициарных владельцев к частноправовым отношениям с их косвенным участием.

Во втором параграфе с обращением к аналогии закона и аналогии права проработаны зоны неопределенности в частноправовых механизмах формирования, увеличения и уменьшения уставного капитала как конструкции, выполняющей систематизирующую роль в определении корпоративной личности хозяйственных обществ.

Именно обращение к аналогии явилось источником ответов на не имеющие прямого законодательного решения и однозначной доктринальной оценки вопросы, как то: допустимо ли внесение вкладов в оплату уставного капитала хозяйственного общества не лично участником (акционером), а третьим лицом; каковы последствия оплаты вклада в уставный капитал с опозданием; является ли непреодолимым запрет на исполнение обязанности участника (акционера) по внесению вклада в уставный капитал путем зачета встречных требований к обществу; возможно ли оплатить уставный капитал путем внесения (уступки) права аренды.

В третьем параграфе внимание автора сфокусировано на изучении роли аналогии в поиске адекватных подходов к правоприменительному преодолению и законодательному восполнению пробелов в правовом механизме выхода участника из общества с ограниченной ответственностью, составляющем характерную черту юридической личности данной разновидности закрытых корпораций.

С опорой на двойную аналогию закона (с учетом юридического сходства

отношений по отмене заявления о выходе с отношениями по отмене предварительного согласия на совершение сделки, а через них – с урегулированным ст. 439 ГК РФ порядком отзыва акцепта) обосновано, что на пробел в вопросе о последствиях отмены предъявленного в общество заявления о выходе следует реагировать дифференцированно в зависимости от стадии процедуры выхода.

По аналогии с отсутствием необходимости испрашивать нотариальное согласие супруга на выдачу на имя третьего лица нотариальной доверенности с правом распоряжения общим имуществом супругов сделан вывод, что для нотариального оформления участником общества с ограниченной ответственностью заявления о выходе из общества нотариально удостоверенного согласия супруга не требуется.

Обоснована необходимость прямого закрепления в законе правила о том, что при расчете действительной стоимости доли выходящего участника обязателен учет рыночной стоимости активов общества и вместе с этим недопустимы понижающие коэффициенты (скидки) за миноритарность и неликвидность данной доли.

Неопределенность в отношении возможности уставного изменения размера или порядка выплаты действительной стоимости доли выходящему из общества участнику предложено ликвидировать нормативно по аналогии с признанной многовариантностью фиксации цены доли в уставном капитале при реализации преимущественного права покупки.

В четвертом параграфе автор обращается к проблемам установления и аналогического преодоления пробелов в правилах о порядке принятия решений о распределении чистой прибыли и условиях фактической выплаты дивидендов хозяйственных обществ.

При отсутствии законодательно закрепленной обязанности корпорации выплачивать дивиденды в случаях недобросовестной, неразумной и несправедливой заморозки чистой прибыли в ущерб отдельным акционерам (участникам) предложено использовать аналогию права, что позволит

сбалансировать равнозначимые и подлежащие сопоставимой защите частные интересы корпорации, ее отдельных участников, членов органов управления и контрагентов.

Последовательное обращение судов к аналогии права как к действенному инструменту борьбы с неопределенностью, сопряженному с прямым применением гражданско-правовых принципов, поспособствует выработке предложения по нормативной ликвидации пробела. До этого момента автор видит целесообразным на уровне Кодекса корпоративного управления закрепить рекомендацию обеспечивать справедливую возможность каждого акционера настаивать на распределении прибыли посредством выплаты дивидендов при отсутствии к тому объективных юридических и экономических противопоказаний.

Рассмотрен дискуссионный вопрос о праве общего собрания участников хозяйственного общества на самоотмену ранее принятого решения о выплате дивидендов. На основе аналогической оценки проанализированных судебных актов сформулированы условия, при соблюдении которых такая отмена может признаваться правомерной.

Обнаружены и юридически квалифицированы пробелы в правовом регулировании допустимой периодичности распределения чистой прибыли хозяйственных обществ и определении предельных сроков выплаты объявленных дивидендов. Аргументирована необходимость обеспечить повышенную гибкость в решении указанных вопросов с применением основных начал и смысла гражданского законодательства через механизм аналогии.

В пятом параграфе анализируются подходы к использованию аналогии закона в преодолении неопределенности правового регулирования порядка подтверждения корпоративных решений.

Доказана допустимость распространения нотариального способа подтверждения формирования и выражения корпоративной воли, диспозитивно обязательного к применению в отношении решений общих собраний хозяйственных обществ, в инициативном порядке на решения иных коллегиальных (коллегиальных, коллегиальных исполнительных, коллегиальных ревизионных)

органов данных корпораций.

Аргументированы сомнения в теоретической обоснованности и практической целесообразности позиций Президиума Верховного Суда Российской Федерации, отраженных в пунктах 2 и 3 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» от 25.12.2019, опирающихся на некорректное и латентное использование аналогии закона для распространения обязательного нотариального порядка подтверждения на «первоначальные» решения общих собраний участников о выборе альтернативного способа подтверждения и на решения единственного участника.

Представлен авторский вариант толкования норм об оформлении решений единственного участника хозяйственного общества (квалифицируемых диссертантом в качестве односторонних сделок) в свете положений п. 3 ст. 67.1. ГК РФ о специальном подтверждении решений общих собраний членов таких корпораций (определяемых законом как отличных от сделок актов группы лиц). Раскрыты препятствия к применению указанных норм в случаях концентрации корпоративного участия в руках одного лица как напрямую (соответственно), так и по аналогии.

Диссертант подвергает критике правовой конструкт ничтожности решений очных собраний участников хозяйственных обществ, не удостоверенных нотариусом или лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров и выполняющим функции счетной комиссии, в порядке, установленном подп. 1–3 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, как сформулированный на основании недостаточно глубокой аналогии с ничтожностью сделок, неправомерно не облеченных в нотариальную форму. Автор указывает на варианты более удачных аналогий для решения указанного вопроса и допускает возможность, не прибегая к аналогии, определить в качестве общего последствия нарушения требования о подтверждении корпоративных решений их оспоримость.

В то же время рассматриваемый конструкт основывается на исключительно положительной цели повышения степени защиты корпоративных прав и может

быть рассмотрен как пример антиципирующего вхождения суда в сферу нормотворчества, нуждающегося в скором переводе в законодательную форму.

В заключении подведены итоги исследования, представлены рекомендации по совершенствованию действующего законодательства, указаны векторы дальнейшей проработки категории аналогии в системе регулирования частноправовых отношений.

Автор определяет перспективы продолжения исследования категории аналогии в направлении формирования конкретных алгоритмов аналогической деятельности различных категорий субъектов в отдельных сегментах системы частноправовых общественных отношений.

Обращено внимание на то, что осмысление достоинств аналогии как полифункционального юридического антипробельного средства может и должно перерасти в качественное совершенствование как самой частноправовой аналогической практики, так и ее доктринально обоснованного нормативного обеспечения.

По теме диссертации опубликовано 89 работ общим объемом 69,55 п.л.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии и учебные издания

1. Микрюков В.А. Глава 2 «Источники гражданского права» в кн. Введение в гражданское право: Учебное пособие для бакалавров. М.: Статут, 2016. – 128 с. С. 44–67. (7/1 п.л.).
2. Микрюков В.А. Параграф 2 «Применение гражданского законодательства по аналогии» в кн. Гражданское право: учебник: в 2 т. / И.З. Аюшеева, Е.Е. Богданова, Б.А. Булаевский, [и др.]; под ред. Е.Е. Богдановой. – М.: Проспект, 2020. С. 55–64. (27,5/0,6 п.л.).
3. Микрюков В.А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М.: Статут, 2021. – 164 с. (10,25 п.л.).

Статьи в изданиях, индексируемых в Scopus/WoS

1. Mikryukov V.A. Analogy of Law in the Mechanism for Increasing Authorized Capital of a Limited Liability Company // European Research Studies Journal. 2017. Vol. XX. Iss. 3A. P. 446–457. (0,8 п.л.).
2. Mikryukov V.A. Analogy in the Mechanism of Judicial Control over the «Golden Parachutes» Amount // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. VIII. Iss. 3 (25). P. 926–932. (0,8 п.л.).
3. Mikryukov V.A. Limits of Analogy in the Mechanism of Judicial Reduction of Property Sanctions // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. VIII. Iss. 5(27). P. 1578–1590. (1,4 п.л.).
4. Mikryukov V.A. Legal and Economic Regulation of a Member’s Withdrawal from the Limited Liability Company: Gaps and Analogies // Espacios. 2018. Vol. 39. № 24. P. 31. (1,5 п.л.).
5. Микрюков В.А. Российский аналог англо-американских «liquidated damages»: перспективы законодательного закрепления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 420–441. (2,4 п.л.).
6. Mikryukov V.A. Analogy of Law in Tax Law Regulation of Economic

Relations Based on the Supply Chain Management // International Journal of Supply Chain Management. 2019. Vol 8. № 3. P. 493–502. (1,4 п.л.).

7. Mikryukov V.A. Analogy in loss recovery mechanism upon termination of contract // Opción. 2019. 35. Especial № 23. P. 1344–1356. (1,5 п.л.).

8. Mikryukov V.A. The Creative Function of the Analogy Method in Civil Law Practice // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol. 12. Iss. 4. P. 272–289. (1,2 п.л.).

9. Mikryukov V.A. Gaps and Analogies in the Legal Definition of the Lease Facility in Russia // Journal of Politics and Law. 2020. Vol. 13. № 2. P. 82–93. (1,4 п.л.).

10. Mikryukov V.A. The Analogy of Law in Civil Law Educational Practice // Apuntes Universitarios. 2021. Vol. 11. № 1. P. 36–45. (0,8 п.л.).

11. Mikryukov V.A. Innovations and Analogies in the Legal Regulation of Withdrawal from a Limited Liability Company under Current Russian Law // Laws. 2021. Vol. 10. № 21. (1,3 п.л.).

12. Mikryukov V.A. Gaps and analogies in the formation of registered capital of limited liability and joint-stock companies // Cuestiones Políticas. 2021. Vol. 39. № 69. (Julio-Diciembre). P. 237–260. (1,2 п.л.).

13. Mikryukov V.A. Analogy in the Civil Law Assessment of Co-Working Agreements in Russia // Laws. 2022. Vol. 11. № 24. (1,4 п.л.).

14. Mikryukov V.A. Legal Analogy in the Cases of Overcoming a Contract’s Verbal and Numerical Ambiguity // Laws. 2022. Vol. 11. № 76. (1,2 п.л.).

15. Mikryukov V.A. The study of peculiarities of legal analogy in Russia of the civil law regime of dividends for commercial businesses // Cogent Social Sciences. 2023. Vol. 9. № 1. (1,5 п.л.).

16. Микрюков В.А. Относительно определенные нормы-аналогии в частноправовом регулировании экономической деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1(63). С. 70–87. (2,1 п.л.).

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Микрюков В.А. Гражданско-правовые модели взаимного

финансирования основных и дочерних хозяйственных обществ // Цивилист. 2011. № 2. С. 93–97. (0,6 п.л.).

2. Микрюков В.А. Ситуационность – главная черта метода семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 4. С. 7–12. (0,8 п.л.).

3. Микрюков В.А. О ситуационных судебных ограничениях гражданских прав // Российский судья. 2012. № 2. С. 24–29. (0,7 п.л.).

4. Микрюков В.А. О государственной регистрации обременения недвижимого имущества договором ссуды // Закон и право. 2012. № 12. С. 44–47. (0,5 п.л.).

5. Микрюков В.А. Вопросы ограничения гражданских прав принципом добросовестности // Законодательство. 2013. № 1. С. 10–14. (0,5 п.л.).

6. Микрюков В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика. 2013. № 2. С. 47–51. (0,5 п.л.).

7. Микрюков В.А. О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // Юрист. 2013. № 13. С. 36–39. (0,4 п.л.).

8. Микрюков В.А. Принцип добросовестности – новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6 (198). С. 17–24. (0,5 п.л.).

9. Микрюков В.А. О недопустимости установления и прекращения обременений гражданских прав по аналогии // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 69–71. (0,3 п.л.).

10. Микрюков В.А. Пределы ограничения судами прав кредитора на основании ст. 333 ГК РФ // Российский судья. 2014. № 4. С. 16–19. (0,4 п.л.).

11. Микрюков В.А. Проблемы включения сведений о гражданско-правовом статусе организаций в Единый государственный реестр юридических лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 87–91. (0,5 п.л.).

12. Микрюков В.А. О возможности уменьшения судом размера задатка по аналогии с неустойкой // Законодательство и экономика. 2015. № 12. С. 27–32. (0,5 п.л.).

13. Микрюков В.А. Подтверждение решения общего собрания участников и оформление решения единственного участника хозяйственного общества: уместна ли аналогия? // Нотариус. 2016. № 4. С. 14–18. (0,6 п.л.).

14. Микрюков В.А. Аналогия в механизме определения размера компенсации за нарушение акционерного соглашения // Законодательство и экономика. 2016. № 4. С. 37–42. (0,5 п.л.).

15. Микрюков В.А. Аналогия в механизме уступки права из предварительного договора // Законодательство и экономика. 2016. № 5. С. 34–38. (0,5 п.л.).

16. Микрюков В.А. Метод аналогии в нотариальной практике // Нотариус. 2016. № 5. С. 7–10. (0,5 п.л.).

17. Микрюков В.А. Основные проблемы института аналогии в правовом регулировании экономической деятельности // Проблемы права. 2016. № 3 (57). С. 154–160. (0,7 п.л.).

18. Микрюков В.А. Требование о нотариальном удостоверении решений собраний участников хозяйственных обществ: пределы аналогии // Хозяйство и право. 2016. № 9 (476). С. 49–62. (1,0 п.л.).

19. Микрюков В.А. Феномен «аналогичной организации» на стороне одаряемого в договоре пожертвования // Законодательство и экономика. 2016. № 8. С. 42–47. (0,5 п.л.).

20. Микрюков В.А. Сущность и значение аналогии в механизме правового регулирования экономической деятельности // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 15–24. (1,0 п.л.).

21. Микрюков В.А. Аналогия закона и аналогия права в правовых позициях высших судов Российской Федерации // Современное право. 2016. № 11. С. 53–57. (0,5 п.л.).

22. Микрюков В.А. Вклады в имущество АО и ООО: аналогии и различия // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 31–35. (0,5 п.л.).

23. Микрюков В.А. Аналогия в практике уменьшения законной неустойки за несвоевременную уплату алиментов // Законодательство и экономика. 2016. № 10.

С. 43–47. (0,5 п.л.).

24. Микрюков В.А. О применении конструкции договора хранения к хранению недвижимости // Адвокат. 2016. № 11. С. 41–45. (0,5 п.л.).

25. Микрюков В.А. Применение аналогии закона в практике взыскания неустойки за просрочку исполнения соглашения об уплате алиментов // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 11–13. (0,3 п.л.).

26. Микрюков В.А. Аналогия права в практике наследования ценностей, помещенных в индивидуальный банковский сейф // Нотариус. 2017. № 3. С. 29–32. (0,5 п.л.).

27. Микрюков В.А. О практике применения ст. 333 Гражданского кодекса РФ по аналогии // Власть Закона. 2017. № 3 (31). С. 121–136. (0,8 п.л.).

28. Микрюков В.А. Пределы аналогии закона в практике применения нормы п. 4 ст. 753 ГК России об односторонних актах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 46–52. (0,7 п.л.).

29. Микрюков В.А. Пределы аналогии в механизме ответственности за нарушение акционерного соглашения // Гражданское право. 2018. № 1. С. 15–17. (0,4 п.л.).

30. Микрюков В.А. О состоянии научных исследований по проблемам института аналогии в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86). С. 60–68. (0,5 п.л.).

31. Микрюков В.А. О межотраслевой аналогии в практике преодоления пробелов правового регулирования выплаты «золотых парашютов» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 100–107. (0,6 п.л.).

32. Микрюков В.А. Отмена выхода из общества с ограниченной ответственностью с применением аналогии закона // Власть закона. 2018. № 1 (33). С. 160–178. (1,0 п.л.).

33. Микрюков В.А. Новые модусы применения гражданского законодательства по аналогии в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ // Администратор суда. 2018. № 3. С. 36–40. (0,5 п.л.).

34. Микрюков В.А. Пределы аналогии закона при уменьшении уставного

капитала ООО и АО // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 2 (14). С. 32–35. (0,5 п.л.).

35. Микрюков В.А. Проблема установления аналогичности товара в практике исчисления убытков при расторжении договора поставки // Российский юридический журнал. 2019. № 3 (126). С. 134–138. (0,4 п.л.).

36. Микрюков В.А. Определение аналогичных рабочих мест при проведении специальной оценки условий труда // Современное право. 2019. № 9. С. 99–104. (0,5 п.л.).

37. Микрюков В.А. О недопустимости аналогии закона в механизме ограничения прав усыновителей // Семейное и жилищное право. 2020. № 2.С. 11–14. (0,5 п.л.).

38. Микрюков В.А. Аналогия в механизме нотариального подтверждения решений единственного участника ООО и АО // Право и экономика. 2020. № 5 (387). С. 73–79. (0,7 п.л.).

39. Микрюков В.А. Реализация основных начал гражданского законодательства в практике применения аналогии права // Юридическая наука. 2020. № 6. С. 56–59. (0,3 п.л.).

40. Микрюков В.А. О роли аналогии закона и аналогии права в правовом механизме установления материнства // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 37–41. (0,5 п.л.).

41. Микрюков В.А. Интенсификация применения аналогии права в практике преодоления гражданско-правовой неопределенности // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8 (129). С. 63–71. (0,6 п.л.).

42. Микрюков В.А. Об аналогии безденежности и бестоварности займа // Вестник арбитражной практики. 2021. № 5 (96). С. 29–33. (0,3 п.л.).

43. Микрюков В.А. Пределы аналогии в правовой квалификации последствий истечения срока полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4 (101). С. 3–10. (0,6 п.л.).

44. Микрюков В.А. Пределы аналогии в правовом режиме наименования

некоммерческих организаций // Власть закона. 2022. № 2 (50). С. 107–117. (0,5 п.л.).

45. Микрюков В.А. Свобода договора и аналогия закона // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 64–66. (0,3 п.л.).

46. Микрюков В.А. Пределы аналогии в частноправовом статусе бенефициарного владельца юридического лица // Право и политика. 2022. № 9. С. 1–8. (0,4 п.л.).

47. Микрюков В.А. Пределы аналогии в договорно-правовой квалификации коворкинга // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 11 (254). С. 106–112. (0,5 п.л.).

48. Микрюков В.А. Пробелы и аналогии в правовом регулировании безвозмездного пользования имуществом // Вестник арбитражной практики. 2023. № 1 (104). С. 3–11. (0,7 п.л.).

49. Микрюков В.А. Обмен потребителем качественного товара на аналогичный // Ex Jure. 2023. № 2. С. 89–99. (0,5 п.л.).

50. Микрюков В.А. Практика применения корпоративно-правовых норм по аналогии // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 136–138. (0,4 п.л.).

51. Микрюков В.А. Преодоление неопределенности правового регулирования при определении семейного свойства: аспекты применения метода аналогии закона // Юридическая наука. 2023. № 12. С. 128–130. (0,4 п.л.).

52. Микрюков В.А. Дивидендная политика хозяйственных обществ и аналогия права // Право и политика. 2024. № 2. С. 58–66. (0,4 п.л.).

53. Микрюков В.А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 46–56. (0,9 п.л.).

54. Микрюков В.А. Пределы аналогии в разрешении корпоративных споров о предоставлении информации // Современное право. 2024. № 10. С. 77–82. (0,5 п.л.).

55. Микрюков В.А. Правовые плеоназмы в корпоративном законодательстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 2 (34). С. 28–32. (0,5 п.л.).

Иные публикации

1. Микрюков В.А. О возможности ограничения и обременения гражданских прав по аналогии / Третий пермский конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 12 октября 2012 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. Ун-т. Пермь. 2012. – 289 с. С. 90–91. (0,2 п.л.).

2. Микрюков В.А. О судьбе залогового обременения при отчуждении предмета залога // Законодательство и экономика. 2012. № 8. С. 23–29. (0,7 п.л.).

3. Микрюков В.А. О практике применения судами гражданского законодательства по аналогии // Вестник арбитражной практики. 2013. № 6 (49). С. 5–13. (0,8 п.л.).

4. Микрюков В.А. О практике ограничения гражданских прав по аналогии // Законодательство и экономика. 2013. № 9. С. 18–22. (0,4 п.л.).

5. Микрюков В.А. Об аналогии в механизме исключения гражданина из крестьянского (фермерского) хозяйства / Шестой пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 16–17 октября 2015 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь. 2015. С. 105–106. (0,2 п.л.).

6. Микрюков В.А. Животные и вещи как объекты бремени собственности: уместна ли аналогия? / Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина 28–29 октября 2015 года / отв. ред. А.В. Малько; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань: Издательство «Концепция». 2015. Вып. 4. – 380 с. С. 303–304. (0,2 п.л.).

7. Микрюков В.А. Аналогия в механизме моделирования юридической личности крестьянского (фермерского) хозяйства / Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): Избранные материалы / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. – 448 с. С. 306–311. (0,3 п.л.).

8. Микрюков В.А. Аналогия в механизме перемены лиц в обязательстве из

предварительного договора / Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: материалы всеросс. науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 18–19 нояб. 2016 г.) / отв. ред. В.Г. Голубцов; О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2016. – 506 с. С. 167–168. (0,2 п.л.).

9. Микрюков В.А. Последствия нарушения требования о подтверждении корпоративных решений // Нотариальный вестникъ. 2016. № 12. С. 45–53. (0,5 п.л.).

10. Микрюков В.А. Проблема применения по аналогии подзаконных актов, содержащих нормы гражданского права / Восьмой пермский конгресс ученых-юристов: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Г. Голубцов; О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2017. –318 с. С. 106–109. (0,2 п.л.).

11. Микрюков В.А. Реестр списков участников обществ с ограниченной ответственностью: значение в гражданском обороте и нотариальной деятельности // Нотариальный вестникъ. 2017. № 9. С. 26–37. (0,7 п.л.).

12. Mikryukov V.A. Civil Law Models and Analogies in the Legal Definition of the Ridesharing Agreements // Laplage Em Revista (International). 2021. Vol. 7. № 1. Jan.-Apr. P. 602–608. (0,7 п.л.).

13. Mikryukov V.A. Russian Analogue of the Legal Structure of a Convertible Loan // Laplage Em Revista (International). 2021. Vol. 7. № 3. Sept.-Dec. P. 634–644. (1,0 п.л.).

14. Микрюков В.А. Электронный аналог устава юридического лица: от типового к цифровому / LegalTech: научные решения для профессиональной юридической деятельности: сборник докладов IX Московского юридического форума: в 4 ч. Часть 2. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – 339 с. С. 58–61. (0,2 п.л.).

15. Микрюков В.А. Пределы аналогии в практике самоотмены хозяйственным обществом решения о выплате дивидендов / Частноправовой подход в цивилизационных процессах (памяти д.ю.н., профессора Ю.Ф. Беспалова): материалы международной научно-практической конференции (20–21 октября 2022 г.): сборник статей. – М.: Издательский дом «УМЦ», 2023. – 316 с. С. 168–175. (0,3 п.л.).